

Победа еще впереди

16 октября 1941 года в Москве

© Аксютин Ю. В.

© Aksyutin Yu.

Победа еще впереди. Октябрь 1941 года в Москве

Victory is yet to come. In October 1941 in Moscow

Аннотация. Статья посвящена событиям, происшедшим в столице СССР и ее ближайших окрестностях в день, когда немецкие войска после прорыва обороны советских войск, сомкнув кольцо вокруг пяти армий и одной армейской группы, приступили к их уничтожению, намереваясь сразу же после этого взять в клещи Москву и приступить к овладению ею. О планах гитлеровцев устроить победный парад на Красной площади было известно и обитателям Кремля, и простым горожанам (из листовок, разбрасываемых с самолетов). Как «верхи» и «низы» реагировали на это? И что делали в той трагически сложившейся ситуации?

Annotation. The article is devoted to analyze the difficult events that occurred in the capital of the Soviet Union and its immediate vicinity on the day when German troops after breakthrough the Soviet defenses, having closed a ring around five armies and one army group, they started to destroy them, intending to immediately then take in a pincer movement to Moscow and to start mastering it. The plans of the Nazis arrange a victory parade was known inhabitants of the Kremlin on the Red Square, and ordinary citizens (of leaflets from aircraft to scatter). As the upper and lower strata react to this? And what to do in a tragic situation?

Ключевые слова. Москва, эвакуация, отсутствие информации, паника, И. В. Сталин, А. И. Микоян, А. С. Щербаков, В. П. Пронин, А. И. Шахурин, А. А. Первенцев.

Key words. Moscow, evacuation, lack of information, panic, I. V. Stalin, A. I. Mikoyan, A. S. Shcherbakov, V. P. Pronin, A. I. Shakhurin, A. A. Perventsev.

Передовая статья главной газеты страны «Правды» от 16 октября 1941 г. была озаглавлена: «Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу». В ней содержалось признание того, что «создалась непосредственная серьезная угроза для Москвы», и выражалась уверенность, что перед лицом этой опасности «советские люди и в первую очередь трудящиеся нашей великой столицы напрягут все усилия, чтобы задержать, остановить продвижение врага». Для этого необходимо «проявить высокую организованность, присутствие духа перед лицом бешеного напора лютого врага» [8. С. 1].

Враг действительно стоял у ворот столицы, и его танковые клинья устремились к ней с трех сторон. В этих условиях накануне было принято постановление Государственного Комитета Обороны о том, чтобы начавшаяся несколько дней назад эвакуация промышленных предпри-

ятий, а также учреждений науки, высшего образования и культуры была дополнена немедленной передислокацией всех правительственных органов в Куйбышев. То, что не могло быть вывезено, подлежало уничтожению. Для завершения этих мероприятий в Москве оставались небольшие оперативные группы во главе с руководителями учреждений и организаций. Но т. к. последнее указание не было зафиксировано в постановлении, а передавалось устно или по телефону, оно соблюдалось отнюдь не везде. И печальным примером тому послужили партийные органы — спинной мозг советской военно-мобилизационной системы.

Полный хаос царил в зданиях ЦК ВКП(б) на Старой площади. Там не было оставлено ни одного работника, который мог бы продолжать содержание всех помещений в порядке и сжечь имеющуюся секретную переписку. «Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка. В том числе секретные директивы ЦК ВКП(б) и другие документы... Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен». В кабинете секретаря ЦК ВКП(б), фактического заместителя Сталина по партии А. А. Жданова оставлено пять совершенно секретных пакетов [6. С. 45].

То же самое происходило в Московском комитете ВКП(б), помещавшемся рядом с ЦК. Когда второй секретарь горкома Георгий Попов, приехавший с ликвидированного Резервного фронта, где он был членом Военного совета, явился к себе на работу в Московский комитет, то там было безлюдно. «Навстречу мне шла в слезах буфетчица Оля. Я спросил ее, где люди. Она ответила, что все уехали. Я вошел в кабинет Щербакова (первого секретаря областного и городского комитетов партии. — Ю. А.) и задал ему вопрос, почему нет работников на своих местах. Он ответил, что надо было спасать актив:

— Людей отвезли в Горький.

Я поразился такому ответу и спросил:

— А кто же будет защищать Москву?

Мы стояли друг против друга — разные люди, с разными взглядами. В тот момент я понял, что Щербаков был трусливым по характеру» [19].

Опустело и здание Совнаркома в Кремле — двери кабинетов настезь распахнуты, валяются бумаги, шуршат под ногами. И повсюду звонят телефоны [11. С. 272—273]. В Генштабе кто-то из работников Главного разведывательного управления впопыхах сжег книгу с кодом, который применялся для связи с нелегальными агентами в Западной Европе [14. С. 10]. Про Генштаб и Наркомат обороны известно: они уехали в Арзамас. А где находился Сталин?

Алексей Рыбин, отвечавший за сталинскую ложу в Большом театре и бывший человеком информированным, в своих мемуарах утверждал, что его подопечный все это время не покидал столицы, хотя к его эвакуации все было готово. «На Центральном аэродроме имени Чкалова <...> стояли наготове четыре “Дугласа”. Полковник Грачев сидел в кабине личного самолета Сталина». Его охрану несли подчиненные Рыбина. Кроме того, на станции Кунцево, находившейся около Ближней дачи, либо на

соседней с ней станции Рабочий поселок стоял бронированный спецпоезд. Другие такие поезда с бронированными вагонами ожидали вождю на станциях Москва-Каланчевская и Москва-Товарная-Горьковская. Их охранял 13-й погранотряд, вызванный Берией из-под Калинина. Какие-то его подразделения взяли под охрану дом на Лубянке, но основная часть находилась за Рогожско-Симоновской заставой в Москве. Отвечая позже на настойчивые расспросы Рыбина, где находился Сталин в ночь на 16 октября, и кто уговаривал его уехать в Куйбышев, комендант Кунцевской дачи вождя Иван Орлов писал ему: “Знаю только одно, что Сталин в ту ночь ночевал у меня в маленьком домике”» [3. С. 52—53; 25].

Этой же ночью у писателя Аркадия Первенцева пересохло горло от волнения, когда он узнал, что по закрытому проводу передано постановление Совнаркома объявить город открытым, предложить рассчитать рабочих авиазаводов, выделить надежный актив и ждать сигнала, чтобы их взорвать. «Неужели так бездарно падет столица нашего государства?» Сердце холодело от ужаса надвигающейся катастрофы. Вспоминая месяц с лишним спустя то страшное чувство тоски и обреченности, он записывал: «Ночью немцы не были в городе. Но этой ночью весь партийный актив и все власти позорно оставили город... Позор истории падет на головы предателей и паникеров <...> В руках правительства было радио. Неужели не нашелся единственный спокойный голос, который сказал бы населению: “Город надо защищать”. Кто бы отказался <...> Этот голос летел на паккарде по шоссе Энтузиастов, спасая свою шкуру <...> Если бы немцы знали, что происходит в Москве, они бы 16 октября взяли город десантом в 500 человек» [22. С. 100].

И Первенцев был не одинок в таком отчаянном настроении. Многие москвичи просыпались с чувством неизвестности: а вдруг немцы уже тут, под окнами? И что тогда делать?

Юная Антонина с матерью-партийкой в ночь на 16 октября дежурила на фабрике «Освобожденный труд», и когда вернулись к себе домой на Преображенку, соседи им объяснили, что не сегодня завтра в Москву войдут немцы, поэтому те, кто мог, все побросали и убежали из города. «Что делать? А я была очень боевая девушка.

— Мать, — говорю, — давай жечь твои собрания сочинений. Потому что если найдут — нам конец.

Взяла у нее партбилет, положила в коробочку из-под зубного порошка, закопала внизу у парадного, и стали мы наших лениных-сталиных в печку вместо дров бросать. Дверца печки была в коридоре, и соседи видели, чем мы занимаемся. Тогда бабка Селиванова — по-моему, она была из раскулаченных, — нам и говорит:

— Жгете? Ну давайте. Я все равно на вас скажу, что твоя мать была партийная.

Такая была сволочь. Сколько мы там жили, в этой коммуналке, — я ей так потом и не простила» [1. С. 12].

Люди, ненавидевшие советскую систему, рассчитывали, что их неприятности закончились; обиженные властью, они надеялись расквитаться с обидчиками.

Только один раз за весь этот страшный отрезок времени полились слезы у киноактрисы Елены Кузьминой, жены кинорежиссера М. И. Ромма: она зарыдала от злости после встречи с полотером, который когда-то натирал у них полы. Он спешил со всей своей полотерной снастью, когда она столкнулась с ним нос к носу и спросила, уж не натирать ли полы он спешит?

— А как же... Сейчас самые заработки. Немцев ждут. Готовятся.

— Кто это ждет немцев? Да что это за люди?

— А может, они всю жизнь этого ждали...

«То, что есть в Москве такие люди, вернее, нелюди, которые собираются встречать немцев, повергло меня в ужас. Придя домой, я дала волю слезам. В это страшное время из всех щелей вылезли какие-то мерзкие твари. Те, которые могли спокойно смотреть на голодного ребенка. Те, которые спокойно зарабатывали на смерти и несчастье ближнего. Всколыхнулась всякая дрянь, которая осела где-то глубоко на дне» [17. С. 459—460].

Да, далеко не все москвичи боялись прихода немцев. Литературовед Эмма Герштейн вспоминала, как друзья и соседи обсуждали вопрос: уезжать из Москвы или оставаться? «Языки развязались, соседка считала, что после ужасов 1937-го уже ничего хуже быть не может. Актриса Малого театра, родом с Волги, красавица с прекрасной русской речью, ее поддержала.

— А каково будет унижение, когда в Москве будут хозяйничать немцы? — сомневаюсь я.

— Ну, так что? Будем унижаться вместе со всей Европой, — невозмутимо ответила волжанка» [9. С. 301].

* * *

Однако то, что творилось в то утро на эвакуируемых московских предприятиях, вряд ли можно объяснить какими-то затаенными антисоветскими чувствами. Конечно, кое-кому они были не чужды. Но подавляющее большинство негодовало по другой причине. Они чувствовали себя преданными. Люди посчитали себя брошенными на произвол судьбы, особенно если учесть, что на многих предприятиях рабочим было предложено добираться до места эвакуации самостоятельно, а полагающийся денежный расчет произвести сумели не всюду.

В 7 часов утра рабочие колбасного завода Московского мясокомбината им. Микояна, уходя из цехов в отпуск, начали стихийно растаскивать колбасные изделия в большом количестве. «Беспорядки были прекращены с помощью партактива, сторожевой охраны комбината и бойцов истребительного батальона» [13. С. 262].

Директор кондитерской фабрики «Рот Фронт» Бузанов разрешил выдать рабочим имевшуюся на фабрике продукцию. «Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка. По прибытии на место работников милиции порядок был восстановлен» [13. С. 263].

Во дворе завода «Точизмеритель» им. Молотова (Сыромятники, рядом с Курским вокзалом, производил ртутные термометры) в ожидании зар-

платы находилось большое количество рабочих. Увидев автомашины, загруженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, толпа окружила их и стала растаскивать груз. Раздались выкрики, в которых часть рабочих потребовала объяснения, почему не выданы деньги и почему, несмотря на решение правительства о выдаче месячного заработка, некоторым работникам выписали только за две недели. Разъяснения находившегося на заводе оперработника Молотовского райотдела НКВД рабочих не удовлетворили. Ему и директору завода Гольдбергу стали угрожать расправой. Помощника же директора Рыгина, нагрузившего машину большим количеством продуктов питания и пытавшегося выехать с заводской территории, задержали и избili. Только когда прибывший на завод заместитель начальника районного отделения НКВД Дмитров пообещал, что органы НКВД во всем разберутся, а деньги будут выписаны и выданы, «обстановка несколько разрядилась». Гольдберг, главный инженер Розноер, заведующая столовой Соколова и сбежавший с завода работник Росинский «привлекаются к ответственности» [13. С. 262.].

Разрабатываемый чекистами по агентурному делу «Очковтиратели» металлург с расположенного неподалеку (в тех же Сыромятниках) завода «Манометр» Поленов организовал в лаборатории литейного цеха пьянку и вел среди рабочих контрреволюционную агитацию. «На заявление нашего источника о том, что Поленову нечего ратовать за победу немцев, так как ему (Поленову) не скрыть от них службы в ВЧК-ГПУ, Поленов заявил:

— При новых порядках мне не потребуется никакая защита, так как мое будущее обеспечивается настолько, что хватит оказать свое покровительство и вам.

Поленов арестован» [13. С. 263].

Директор 1-го Московского медицинского института им. Сеченова В. В. Парин скрылся из Москвы со своими заместителями и кассой института, «оставив без руководства госпиталь с ранеными (около 200 человек), ряд клиник с больными, коллектив профессорско-преподавательского состава и студентов» [20. С. 153].

Парторг Московского института инженеров транспорта (МИИТ) Б. М. Виноградов, добиваясь указаний, звонил — телефоны молчали, ходил и обнаружил, что никого нет ни в райкоме (Дзержинском), ни в горкоме, ни в обкоме: комнаты пусты, всех сдуло как ветром. Воротился к своим и сказал:

— Товарищи! Все руководители бежали. Но мы, коммунисты, будем обороняться сами.

Вот эти его слова «Все руководители бежали» припомнили ему потом, посчитав антисоветской агитацией и приговорив к восьми годам лишения свободы [26. С. 550].

По неполным данным, за 16—18 октября из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежали 779 руководящих работников. Они увезли с собой наличными 1,5 млн рублей, а ценностей и имущества еще на 1 млн. Угнаны сотни автомашин [20. С. 550].

И понятно состояние знатной летчицы В. Гризодубовой, которая, обнаружив утром, что не ходят трамваи, не работает метро, закрыты булочные, безрезультатно звонит председателю Московского Совета депутатов трудящихся В. Пронину, тому же А. Щербакову, а еще и заместителю председателя СНК СССР А. Микояну. Ни до кого не дозвонилась. Повезло ей только с наркомом авиационной промышленности А. Шахуриным, который, получив, как и другие наркомы, от Молотова указание о выезде из Москвы, позвонил Сталину и выпросил у него разрешение остаться, чтобы проследить, как заканчивается эвакуация авиационных заводов. «В 12-м часу дня, — вспоминал потом он, — в кабинете раздался звонок:

— Срочно выезжайте к Кремль, на квартиру товарища Сталина.

Передняя этой квартиры открыта. Вошел и оказался одним из первых: вешалка была пуста. Разделся и прошел по коридору в столовую. Одновременно из спальни появился Сталин. Поздоровался. Закурил и стал ходить по комнате <...> Входят Молотов, Щербаков, Косыгин и другие. Сталин с ними здоровается, продолжая ходить взад-вперед. Все стоят. Так как сесть никому не предложено.

— Как дела в Москве, — внезапно спрашивает Сталин, останавливаясь.

Все молчат, посматривая друг на друга. Не выдержав, Шахурин говорит:

— Был на заводах утром. На одном из них удивились, увидев меня: «А мы, — сказала одна работница, — думали, что все уехали». На другом — рабочие возмущены тем, что не всем выданы деньги, им сказали, что увез директор, а на самом деле не хватило в Госбанке дензнаков.

Сталин спросил у Молотова:

— А Зверев где?

Тот отвечает, что нарком финансов в Горьком.

— Нужно немедленно перебросить самолетом дензнаки.

Шахурин продолжал:

— Трамваи не ходят, метро не работает, булочные и другие магазины закрыты.

— Почему? — обернулся Сталин к Щербакову.

И, не дождавшись ответа, начинает ходить. Потом произносит:

— Ну, это ничего. Я думал, будет хуже.

И добавляет, обратившись к Щербакову:

— Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро, открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений бытового обслуживания будет обеспечена.

Помолчал немного и поднял руку:

— Ну, все.

И мы разошлись по своим делам. Забот и нерешенных вопросов у каждого было так много, что никого не удивило, что встреча оказалась столь короткой» [30. С. 119—122].

А на улицах города творилось невообразимое.

Получив на эвакуационное свидетельство хлеб на десять дней (8 кг), профессор-литературовед Л. Тимофеев записывал: «В очередях и в городе вообще резко враждебное настроение по отношению к “ancien (прежнему, бывшему. — Ю. А.) режиму”: предали, бросили, оставили. Уже жгут портреты вождей» [28. С. 159—160].

Внештатному инструктору Фрунзенского райкома ВЛКСМ Т. Соллертинской запомнилась такая картина: «Мужчина, весь увешанный колбасами, идет по улице, а за ним — собака, методично отъедающая от его связки сосиску за сосиской» [27]. 9-летний Петр Фоменко с мамой нес домой (1-й Хвостов переулок между Якиманкой и Полянкой) с какого-то склада по мешку с отрубями. А через Калужскую площадь гнали стадо коров, все копыта у них сбились, и снег покраснел от их крови. Накануне же из всех форточек шел дым — жгли документы. В эти три дня 16—18 октября 1941 г., вспоминал он, «никак нельзя было понять, в чьей власти город» [29].

Антонина Котлярова, окончившая 8 классов и поступившая токарем на станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, вспоминала, как во дворе сжигали книги Ленина, Сталина, а по мосту везли на санках мешками сахар, конфеты: «Всю фабрику “Красный Октябрь” обокрали. Мы <...> кидались камнями в машины, на которых начальники уезжали. Возмущались, что они оставляли Москву...» [19].

На кондитерской фабрике «Красный Октябрь» 54 из 230 коммунистов поспешили избавиться от своих партийных билетов. «Всего в Московской парторганизации, по предварительным данным, уничтожено за 16—17 октября свыше 1000 партийных билетов и кандидатских карточек» [16. С. 216—217].

И этих людей, брошенных своими руководителями на произвол судьбы, понять можно.

Заместитель директора 1-го Московского института иностранных языков М. И. Воронков (в прошлом большевик и даже делегат 2-го Всероссийского съезда Советов) фиксирует в своем дневнике сплошные разговоры об отъезде и поплывшие слухи: о взятии немцами Серпухова и Малоярославца, о том, что «Сталин в нервном параличе» и что «его Молотов — Калинин увезли на самолете в Лондон». Устроенный им в институтском общежитии прораб — инженер Покровский из подмосковного Царицыно — рассказывал о толках, будто в Киеве нормальная жизнь: «Хлеб — 3 коп. фунт, сахару сколько хошь, старый режим, обид никаких. Деньги советские обмениваются на марки по курсу: за 1 рубль 30 коп.» [7. С. 297—298].

* * *

Уже упоминавшийся А. Первенцев часов в 12 решил выехать с женой на своей машине в Горький. «Мы с горечью покидали столицу. В глазах Верочки стояли слезы. Была полная уверенность, что эти улицы и площади мы видим в последний раз» [21. С. 101]. Свое решение он оправдывал тем, что ему приказали, сказав, что есть решение правительства, что лично Сталин велел спасти интеллигенцию, и писателей в том числе. «Город был брошен, все бежали» [22. С. 101—103].

Описывая попытку собственного бегства, Первенцев обращал внимание на стоявшую на обочине возле одной из застав (то ли Ильича, то ли Абельмановской, то ли Крестьянской) большую колонну с вещами и чекистами. «Они чего-то ждали, ходили возле машин, разминая ноги в блестящих сапогах. Колонна тоже была нацелена на Горький, но почему она остановилась, было неизвестно» [22. С. 102].

Сейчас-то стало известно, что именно здесь, на товарной станции Москва-Горьковская, у Абельмановской заставы, стоял в ожидании вождя специальный поезд.

Уже вне Москвы по пути А. Первенцеву встречается большая толпа, запрудившая шоссе и обочины. Судя по всему, случилось это в Реутово. Попытка миновать ее не удалась. Под ударами кулаков рассыпались стекла. Десятки рук схватили машину и сволокли на обочину, вытащили из нее пассажиров. «Толпа кричала, сгрудилась, шумела и приготовилась к расправе. Я знаю нашу русскую толпу... Это повторялась ужасная толпа предместий наших столиц, где наряду с сознательным пролетариатом ютится люмпен-пролетариат, босяки, скрытые эти двадцать лет под фиговым листком профсоюзов и комсомола».

— Что вам нужно? — закричал Первенцев. — Что вы делаете? Чего вы хотите?

— Небось, деньги везешь? А нас бросили голодными! — заорали голоса. — Небось, директор, сволоочь. Ишь, какой воротник!

И он подумал, что «эти люди были чем-то обижены, кровно обижены, и на почву этой обиды какие-то наши враги посеяли семя мятежа». Взглянув «на их разъяренные, страшные лица, на провалившиеся щеки, на черные засаленные пальто и рваные башмаки», он вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую его с этими пролетариями. «Они видели во мне барина, лучше их жившего во времена трагического напряжения сил при всех невзгодах пятилеток и сейчас позорно бросающего их на произвол судьбы» [22. С. 103].

Первенцеву, по его словам, стало страшно и стыдно.

«Из толпы протиснулся человек в кепке, с горящими подозрительными глазами главаря мятежников. Под полушубком у него я разглядел ремешок от нагана». Стал проверять предъявленные ему удостоверение члена Союза советских писателей, эвакуационный лист, а также военный билет с отметкой о снятии с учета по болезни. «Позади неслись крики, требующие расправы надо мной. Но главарь мятежников сказал, что меня надо отпустить.

— Чья машина?

— Машина моя собственная. Я купил ее на свои деньги. Я пишу книги, и мог купить себе автомобиль.

Это заявление, неожиданное для их недалеких мозгов, решило все. Меня решили отпустить на Горький. Внимание людей было обращено на грабеж и расправу с пассажирами следующих машин <...>. Перед этим они побили нашу машину, вырвали из рук Верочки пиджак, сперли мои волчьи унты, но и все... Они были великодушны» [22. С. 106].

Вероятнее всего, эти люди были рабочими двух местных предприятий. По сведениям чекистов, в рабочем поселке завода № 219 НКАП (Балашихинский район) «имеют место беспорядки, вызванные неправильными

действиями администрации и нехваткой денежных знаков для выплаты зарплаты». Помощник директора по найму и увольнению Рыгин, нагрузив автомашину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Однако был задержан и избит. Группа лиц из числа рабочих завода стала нападать на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из Москвы и захватывать их вещи. Было свалено в овраг шесть легковых автомашин. Вахтерская же охрана завода напилась пьяной, пришлось ее обезоруживать и увольнять. Рыгин и пять организаторов беспорядков были арестованы. «Несение охраны завода поручено воинской части, расположенной вблизи завода. Ведется следствие. Для проведения специальных мероприятий на завод выехали дополнительно 3 оперативных работника» [13. С. 262—263].

Частичной выплатой зарплаты выразили недовольство и рабочие соседней Реутовской текстильной фабрики. Начальник штаба ее МПВО Иванов, объясняя им, что остальная сумма зарплаты будет выплачена завтра, не нашел ничего лучшего, как заявить, что будут взорваны жилые бараки. «Рабочие набросились на Иванова и избили его. Организаторами избиения являются рабочие Дмитриев и Чепухин. Дмитриев арестован. Чепухин разыскивается и будет также арестован. Иванов за неправильные действия привлекается к ответственности» [13. С. 262—263].

Вот такую «пробку» пришлось преодолевать Первенцеву и другим, эвакуировавшимся из Москвы на автомобилях. Но когда толпа осталась позади, его охватило беспокойство:

— Не опасно ли дальше ехать? — сказал он как будто про себя.

— Опасно, Аркадий Алексеевич, — сказал шофер, придерживая машину, — опасно. Ой, как опасно.

У него подрагивала челюсть, хоть он получил медаль «За отвагу» на Халхин-Голе. Жена предложила вернуться. На обочине стояли два красноармейца. «Но у них были странные, недобрые лица». Первенцев больше не сомневался, что за Ногинском будет все хуже и хуже. Уж если здесь их чуть не убили рабочие, то дальше заколют вилами крестьяне [22. С. 106—107].

Свои тогдашние впечатления о сотнях тысяч распущенных с предприятий рабочих, ставших «тем взрывным элементом, который мог уничтожить Москву раньше, чем первый танк противника прорвался бы к заставе», Первенцев излагал впоследствии так: «Дикие инстинкты родились в том самом рабочем классе, который героически построил промышленность огромной Москвы. Рабочий класс вдруг понял, что труд рук его и кровь его детей никому не нужны, брошены, и он вознегодовал и, подожженный умелым факелом врага, готов был вспыхнуть и зажечь Москву пламенем народного восстания <...> Народ начал разнуздываться. Еще немного, и все было бы кончено» [22. С. 101].

* * *

Мнение Первенцева не было исключением. «Истерика наверху передана массе», — констатировал в своем дневнике журналист Н. К. Вержбицкий [4. С. 116—119]. «День 16 октября стал кошмарным, — вспоминал первый секретарь Коминтерновского райкома ВЛКСМ Ф. Медведев. — Казалось, все рухнуло» [18].

По свидетельству работников одного из райкомов ВЛКСМ, на Крестьянской заставе, откуда начиналось Остаповское шоссе (ныне Волгоградский проспект), сотни милиционеров не в состоянии были навести порядок, столкнувшись с десятками тысяч людей. «С ними расправляются, как с мальчишками. В одно мгновение милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналит. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофера и выбрасывает вещи. Это не первая и не последняя» [15. С. 194—195].

А вот чем запомнилась застава Ильича, откуда начиналось шоссе Энтузиастов, юному рабочему Г. В. Решетину: «По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле. <...> Никогда бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам» [24. С. 194—195].

Между тем десятки тысяч человек, не имевших возможности покинуть Москву в автомобилях и не представлявших себе возможности уйти пешком, устремились на Казанский, Курский и Ярославский вокзалы. Спокойно и с достоинством, будто все так и должно быть, писал кинорежиссер Сергей Эйзенштейн: «Как сон — исход из Москвы с Казанского вокзала. Вещи. Тюки. Чемоданы. Люди. Все оттенки человеческой эмоции. Горе. Решимость. Нервы и слезы. Разумная деловитость. И сознание: мы едем — значит, мы нужны. Фронт — не только там, на западе. Фронт — в каждом из нас. Мы солдаты от искусства. Едем занимать указанные позиции». Но кое-кто сильно сокрушался, видя свое бессилие прихватить нажитое непосильным трудом. Секретарь Союза писателей Александр Фадеев докладывал, что автор слов «Священной войны» Василий Лебедев-Кумач «привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался» [12. С. 64].

Поэтесса Е. А. Благинина, побывав на вокзале, была в прострации и рассказывала:

«Не уехала. Хотела уйти — не ушла... Никто не уехал: евреи, коммунисты, раненый Матусовский в военной форме. Не хочет снимать: “Не изменю родине” <...> Интересно, что никто не заботится и о коммунистах. Они не собраны, не организованы, остаются дома, ничего не знают.

“Характерное доказательство давнишней смерти партии”, — заключает, выслушав ее, профессор Л. И. Тимофеев» [28. С. 159—160].

Не лучше себя чувствовали те, кто оставался в городе. Один старик на улице спрашивает:

— Ну почему никто из них не выступил по радио? Пусть бы сказал хоть что-нибудь. Худо ли, хорошо ли — все равно... А то мы совсем в тумане, и каждый думает по-своему [2. С. 194].

В 4.30 объявили по радио, что в 5 выступит председатель Моссовета Пронин. В 5 перенесли его на 6. В 6 часов он не выступил, а передали распоряжение Моссовета, чтобы учреждения работали нормально [28. С. 159—160]. Где все это время находились Сталин и Пронин? — спрашивали тысячи людей.

Историки не располагают ни одним документом, подписанным в этот день Сталиным: ни по фронтовым делам, ни по внутренним. Разве что три-четыре мемуара. Воспоминания А. И. Шахурина мы уже приводили. В 1982 г. уже упоминавшийся нами Алексей Рыбин написал в журнал «Коммунист» письмо по поводу освещения сталинских эвакуационных намерений в художественной литературе. Утверждая, что Сталин на вокзалы не выезжал, он в то же время упоминает о сталинском поезде, стоявшем в тот день на запасных путях между Курским вокзалом и Крестьянской заставой. Направляясь туда, он на разветвлении от основной магистрали железной дороги встретил сотрудников транспортной милиции, преграждавших проход посторонним лицам. «Приближаясь к спецпоезду, я с удивлением увидел известных мне с 1930 года сотрудников личной охраны Сталина». И перечисляет имена восьмерых. Утверждая, что Сталин не появлялся, как писал в романе «Имя твое» Петр Проскурин, на территории дровяного склада у спецпоезда за Абельмановской заставой, Рыбин ссылается на то, что не видел его там, когда посетил это место, и ничего не слышал об этом от бывших там его телохранителей [3. С. 52—53; 25].

Но ведь был там сам Рыбин совсем недолго, причем не указывает точного времени своего посещения и цели своей поездки. Это во-первых. Неужто отвозил кресла из царской ложи Большого театра? Трудно поверить. Другое дело, если там должен был вот-вот появиться сам охраняемый. А во-вторых, Сталин мог быть вовсе не на платформе дровяного склада, а на платформе бывшего Нижегородского вокзала, деревянное здание которого еще долго сохранялось и к которому можно было подъехать непосредственно на машине по Рогожскому валу или Нижегородской улице. И там провести несколько часов, осведомляясь по железнодорожным средствам связи о положении на фронте, в Москве и ее окрестностях. В том числе о том, что происходит на близлежащих заставах (Ильича, Абельмановской и Крестьянской), а также по дороге в Горький (например, в Реутово). И на основании оценки этой информации принять решение никуда не ехать, а остаться и возвращаться в Кремль.

И вот тут-то, волне возможно, Сталин произнес слова, которые приписывает ему Пронин и которые будто бы были сказаны им личному шоферу А. Кривченкову:

— Остаюсь с русским народом в Москве. Пока я в Москве, враг не пройдет. Пройдет только через мой труп [23. С. 350—351].

Их Пронин мог слышать от Кривченкова, когда после войны с адмиралом Кузнецовым (своим соседом) и начальником личной сталинской канцелярии Поскребышевым занимался исследованием подневной и почасовой деятельности вождя в октябрьские дни 1941 г. Подробности он не делится. Много вопросов вызывают и умолчания самого Пронина. Почему было отложено, а потом и отменено его выступление по радио? Готовил ли он его и показывал ли Сталину? Если да, то куда возил: в Кремль или в другое место?

И еще один вопрос. Зачем Сталин отправил в Куйбышев кремлевского коменданта Можжухина подготовить там бомбоубежище для себя? [23. С. 350—351].

Ближе к вечеру, вспоминал Пронин, ему позвонил Поскребышев.

— Товарищ Пронин, приезжайте на заседание ГКО.

— А по какому вопросу?

— О муке, — лаконично ответил Поскребышев.

Прибыл он с Щербаковым в назначенное время на квартиру Сталина. А там по всему видно, что никакого заседания ГКО и не предвидится. Сидят на стульях всего несколько человек, в том числе Берия и Микоян. Сталин, прохаживаясь по кабинету, как бы рассуждая про себя, говорит:

— Вот товарищ Пронин организовал выдачу населению по два пуда муки. Он ссылается на то, что сделал это по разрешению правительства.

И, повернувшись в его сторону, спросил, верно это или нет.

— Да, товарищ Сталин! — ответил тот.

— А кто вам приказал это сделать?

— Товарищ Микоян!

Тогда Сталин повернулся в сторону сидевшего за столом Микояна:

— Ты это подтверждаешь, Анастас?

— Да, я дал такое распоряжение Моссовету.

И Микоян попытался мотивировать свое решение возникшими мукомольными трудностями. Но не тут-то было. Слушать его не стали. Находившиеся в кабинете члены Политбюро накинулись на него с упреками и обвинениями в незрелом решении.

Оно и понятно: одно дело, когда они все собирались уезжать. Тогда даже Берия давал секретарям райкомов указания раздавать населению продовольствие, чтобы оно не досталось немецким войскам. А теперь-то это население чем-то надо кормить...

Впрочем, все для Микояна обошлось без каких-либо серьезных последствий. А Пронин, вспоминая про этот эпизод, заметил, что его, если бы Микоян дрогнул и отказался от своего распоряжения о выдаче муки, в условиях чрезвычайного времени, его самого, несомненно, не пощадил бы, расстреляли за «провокационные действия по распространению панических настроений» в осажденной столице [10. С. 5].

В этом повествовании много неясного. В Москве тогда находилось около 2 млн рабочих и служащих. Выдать каждому из них по 2 пуда, т. е. по 32 кг, значило одним махом избавиться от 4 млн пудов, или 640 тыс. т муки. Ссылка Пронина на одну только действующую мельницу, к тому же поврежденную бомбардировками, выглядит как-то не очень убедительно. К сожалению, Пронин не приводит аргументы Микояна. А сам Микоян в своих воспоминаниях, касаясь различных трудностей, с которыми пришлось тогда столкнуться, в том числе с анархистскими проявлениями, о раздаче муки не упоминает ни словом. Но если официальной раздачи муки и не было, то взять ее и просто так вынести из магазина в тот день не представляло особого труда.

Итак, это второй, подтвержденный мемуарами эпизод, причем также довольно короткий, из жизни вождя в этот воистину критический для режима и страны день. Гораздо больше нам известно о том, что делали в это время люди, хоть и не совсем рядовые, но все же не входившие во властные структуры.

Узнав о панике в Москве, глубокое разочарование и тревогу отразил в своем дневнике академик Владимир Вернадский, находившийся тогда в казахстанском курортном городке Боровое. Для него (а он считал, что и для всех) причины были ясны: «Бездарность центральной власти, с одной стороны, и власть партийных коммунистов-бюрократов, столь хорошо нам известная на каждом шагу, [с другой] <...> Бездарные генералы... Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке, и казнены лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в финляндской войне и сейчас сказывается катастрофически <...> Цвет страны заслонен дельцами и лакеями-карьеристами...» [5. С. 212].

Конечно, не все были настроены столь мрачно. К писателю Якову Рыкачеву, отчиму студента сценарного факультета ВГИК Юрия Нагибина, зашел его коллега Андрей Платонов, и испуганная хозяйка бросилась к нему со словами:

— Что же будет?

Он посмотрел на нее удивленно:

— А что?.. Россия победит.

— Но как? Немцы уже в предместьях Москвы!

Платонов пожал плечами:

— Как? Не знаю... Пузом!

«Все рассмеялись, но его уверенность передалась нам, мы сразу же поверили в победу, и смятение ушло» [21. С. 73].

Минуло 16 октября 1941 г. А вместе с ним ушло и смятение в умах многих руководителей и рядовых граждан. Хотя все еще было впереди. До великой Победы оставалось очень много дней.

Литература

1. А потому что — не как все : беседа // Сегодня. 1994. 03.09.
2. **Безыменский Л. А.** Укрощение «Тайфуна». Изд. 3, доп. Смоленск, 2001.
3. **Богомолов А.** Спасти генералиссимуса Сталина // Комсомольская правда. 2012. 06.12.
4. **Вержбицкий Н. К.** Дневник 1941 года // Москва военная. Мемуары и архивные документы / сост. М. М. Горинов и др. М., 1995.
5. **Вернадский В. И.** «Коренные изменения неизбежны...» Дневник 1941 года. Записи 28.10 и 02.11.1941 / публ. И. Мочилова // Новый мир. 1995. № 5.
6. «В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос». Рапорт заместителя начальника 1-го отдела НКВД СССР Шадрина от 21.10.1941 // Источник. 1995. № 5.
7. **Воронков М. И.** Интеллигент и эпоха: дневники, воспоминания и статьи (1911—1941). Рязань, 2013.
8. Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу // Правда. 1941. 16.10.
9. **Гернштейн Э. Г.** Мемуары. СПб. : Инапресс, 1998.
10. **Глушнев Ст.** Крутые повороты на войне: О чем умолчал в своих печатных воспоминаниях председатель Моссовета Василий Пронин // Независимое военное обозрение. 2002. 26.04. № 14.
11. **Гранин Д.** Точка отсчета. М. : Новости, 1989.

12. **Громова Н. А.** Эвакуация идет: Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. 1941—1944. М. : Совпадение, 2008.
13. **Журавлев М. И.** Спецсообщение Берии, Сталину и Молотову от 17.10.41 // Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. М. : Мосархив, 2001.
14. **Зоря Ю., Литовкин В.** Человек, которого звали «Кент» // Неделя. 1991. № 41.
15. Из отчета Московской городской подпольной организации ВЛКСМ о ситуации в Москве в октябре 1941 г. // **Безыменский Л. А.** Укroщение «Тайфуна».
16. Информация оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) А. С. Щербакову от 15.11.41 // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1.
17. **Кузьмина Е. А.** О том, что помню. М. : Искусство, 1989.
18. **Медведев Ф.** Записки конспиратора, работавшего в московском подполье с октября 1941-го по март 1943 г. — <http://library.ua/m/articles/view> (дата обращения: 15.05.2016).
19. **Млечин Л.** Один день без Сталина: Москва в октября 41-го года. — http://loveread.ec/read_book.php?id=43760&p=20 (дата обращения: 11.09.2016).
20. Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / сост. К. И. Буков, М. М. Горинов и др. М. : Изд-во объединения «Мосгосархив», 1995.
21. **Нагибин Ю.** «Он принял меня в братство...» // Родина. 1989. № 11.
22. **Первенцев А.** Военные дневники, 1941—1945 / сост. и ред. В. А. Первенцев. М., 2011.
23. **Пронин В. П.** Сталин не помышлял сдавать Москву // Московия: Эссе, документы и другие материалы. М. : Московский писатель, 1997. Т. 2.
24. **Решетин Г. В.** О панике в Москве. Незабываемое. 1941—1945 // **Безыменский Л. А.** Укroщение «Тайфуна».
25. **Рыбин А. Т.** Сталин предвидел. — http://vlastitel.com.ru/stalin/itog/st_predv.html#b_z_v_v_ohrane (дата обращения: 11.09.2016).
26. **Синилов К. Р.** Справка коменданта г. Москвы от 09.08.42 // Москва военная, 1941—1945. Мемуары и архивные документы.
27. **Соллертинская Т.** Наша рота. После экзаменов началась война / запись С. Гусаровой // Вечерняя Москва. 2006. 22.11.
28. **Тимофеев Л.** Дневник военных лет / публ. и коммент. О. Л. Тимофеевой // Знамя. 2002. № 6.
29. **Фоменко П.** Беседа с телевизионщиками // ГТРК «Культура». Эфир 2012. 09.08.
30. **Шахурин А. И.** Крылья победы. М. : Политиздат, 1983. ◆